

САЕНТОЛОГИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ Г. МОСКВЫ (CHURCH OF SCIENTOLOGY MOSCOW) против РОССИИ¹

Судебное решение от 5 апреля 2007 г.

(Application no. 18147/02)

Данное решение станет окончательным при наступлении обстоятельств, указанных в параграфе 2 статьи 44 Конвенции. Оно может подвергаться редакционной правке.

ПОРЯДОК СУДОПРОИЗВОДСТВА

1. Производство по делу инициировано жалобой (№ 18147/02), против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со ст. 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенции») Саентологической церковью города Москвы («заявитель») 24 апреля 2002 г.
2. Интересы заявителя перед Судом представляли г-н П. Ходкин – адвокат, практикующий в Ист-Гринстед, Великобритания, а также г-жа Г. Крылова и г-н М. Кузьмичев – адвокаты, практикующие в Москве. Интересы государства-ответчика («государство-ответчик») представлял г-н П. Лаптев, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.
3. В частности, заявитель жаловался на отказ национальных властей в удовлетворении его заявления на перерегистрацию в качестве юридического лица.
4. Решением от 28 октября 2004 г. Суд признал жалобу частично приемлемой.
5. Заявитель и государство-ответчик подали свои объяснения по существу дела (параграф 1 правила 59).

ФАКТЫ ПО ДЕЛУ

I. Обстоятельства дела

A. Первые попытки заявителя получить перерегистрацию

6. 25 января 1994 г. заявитель был официально зарегистрирован в качестве религиозного объединения, имеющего статус юридического лица, в соответствии с Законом РСФСР «О свободе вероисповедания» от 25 октября 1990 г.
7. 1 октября 1997 г. вступил в силу новый Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» («Закон о религиях»). Он обязывал все религиозные организации, которым ранее был предоставлен статус юридического лица, привести свои учредительные документы в соответствие с Законом и перерегистрироваться в компетентном Управлении юстиции.
8. 11 августа 1998 г. заявитель подал заявление на перерегистрацию вместе с требуемыми по Закону документами в Управление юстиции г. Москвы.

¹ Источник: Официальный сайт Славянского правового центра, <http://www.sclj.ru/news/detail.php?ID=1341>

9. 1 июня 1999 г. Управление юстиции г. Москвы отказало в перерегистрации заявителю на том основании, что его цели и деятельность противоречат требованиям Закона о религиях и Уголовного кодекса, поскольку в отношении тогдашнего президента заявителя велось расследование уголовного дела. Заявитель утверждал, что следствие по делу впоследствии было прекращено в связи с отсутствием признаков уголовного преступления.

10. 29 декабря 1999 г. заявитель подал второе заявление на перерегистрацию.

11. 28 января 2000 г. заместитель начальника Управления юстиции г. Москвы сообщил заявителю о том, что в удовлетворении второго заявления о перерегистрации отказано. Он написал, что заявитель принял «новую редакцию Устава», вместо «изменений в Уставе», а также указал, что по уставу заявитель «может иметь», а не «вправе иметь» при себе представительство иностранной религиозной организации. Он также утверждал, что имелись иные (неуказанные) нарушения российского законодательства.

12. 10 февраля 2000 г. тогдашний президент заявителя направил письмо в Управление юстиции г. Москвы с просьбой указать конкретные нарушения. При этом он основывался на требовании п. 2 ст. 12 Закона о религиях, согласно которому должны быть отчетливо указаны основания для отказа.

13. Письмом от 18 февраля 2000 г. заместитель начальника ответил заявителю, что Управление юстиции г. Москвы не обязано давать разъяснения или рецензировать уставы или иные документы, и что оно только может давать юридическую оценку поданных документов и принимать решение о перерегистрации или об отказе в ней.

14. 30 мая 2000 г., после принятия дальнейших шагов по устранению любых предполагаемых недостатков в документах, заявитель подал свое третье заявление на регистрацию.

15. 29 июня 2000 г. заместитель начальника сообщил заявителю, что данное заявление не может быть принято к рассмотрению, поскольку он подал неполный комплект документов. После получения письменного запроса заявителя от 12 июля 2000 г. о том, какие именно документы отсутствовали, 17 июля 2000 г. заместитель начальника сообщил заявителю, что в компетенцию его Управления не входит уточнение того, какая информация отсутствует, и какие дополнительные документы должны быть поданы.

16. 17 июля 2000 г. заявитель подал в Управление юстиции г. Москвы четвертое, более подробное заявление на перерегистрацию.

17. 19 августа 2000 г. Управление Юстиции сообщило заявителю, что заявление не будет представлено к рассмотрению, поскольку он якобы подал неполный комплект документов. Недостающие документы указаны не были.

18. 10 октября 2000 г. заявитель подал пятое, еще более подробное заявление.

19. 9 ноября 2000 г. Управление юстиции повторило, что заявитель подал неполный комплект документов и что заявление не будет рассмотрено.

20. 31 декабря 2000 г. истек срок для перерегистрации религиозных организаций.

Б. Судебное разбирательство с Управлением юстиции

21. Президент и соучредитель заявителя обжаловали отказ Управления юстиции г. Москвы в перерегистрации заявителя в Никулинский районный суд г. Москвы.

22. 8 декабря 2000 г. Никулинский районный суд г. Москвы вынес решение, в котором установил, что решение Управления юстиции от 28 января 2000 г. не было основано на законе. Суд установил, что формулировки, использованные в уставе заявителя, были на самом деле идентичны формулировкам, содержащимся в Законе о религиях, а также указал, что от религиозных объединений «не требуется дословное воспроизведение текста закона в их уставе». Суд указал на то, что Управление юстиции могло предложить внести изменения в устав вместо того, чтобы отказать в заявлении о перерегистрации в целом.

23. Далее районный суд указал на то, что решение от 29 июня 2000 г. также не было основано на законе. Им было установлено, что все документы, требуемые по Закону о религиях, были приложены к заявлению, за исключением документа, подтверждающего существование данной религиозной группы на данной территории на протяжении не менее 15 лет. Однако в подаче такого документа не было необходимости, поскольку в соответствии с постановлением Конституционного Суда религиозным организациям, созданным до принятия Закона о религиях, не требовалось подтверждать их существование в течение пятнадцати лет.

24. Районный суд пришел к выводу о том, что Управление юстиции г. Москвы «по сути уклонялось от перерегистрации [заявителя]». Суд указал, что подобное уклонение или отказ нарушил права истцов и их соверующих, гарантируемые ст. ст. 29, 30 Конституции России, поскольку прихожане, чье объединение было лишено статуса юридического лица не смогли бы арендовать помещения для проведения религиозных обрядов и богослужений, получать и распространять религиозную литературу, иметь счета в банке и т.д. Районный суд также установил, что отказ противоречил нормам международного права, ст.ст. 9 и 11 Конвенции и ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах. Районный суд также сослался на ст. 7 Декларации ООН о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждения, и установил, что «отказ в предоставлении статуса юридического лица религиозной организации ограничивает на практике право каждого человека исповедовать его или ее религию совместно с другими». В заключение районный суд пришел к следующему выводу:

«Тем самым уклонение органов юстиции от перерегистрации Саентологической Церкви Москвы под надуманными предлогами противоречит приведенному выше законодательству Российской Федерации и международному праву»

Районный суд обязал Управление юстиции г. Москвы перерегистрировать заявителя.

25. Управление юстиции решение не обжаловало, и оно вступило в законную силу 19 декабря 2000 г. Однако Управление юстиции г. Москвы отказалось его исполнить.

26. 27 декабря 2000 г. президент заявителя получил исполнительный лист.

27. 4 января 2001 г. заявитель подал свое шестое заявление вместе с исполнительным листом, обязывающим произвести перерегистрацию.

28. 2 февраля 2001 г. Управление юстиции отказало в рассмотрении заявления, повторяя, что был подан неполный комплект документов. Никакие разъяснения о якобы отсутствующем (-щих) документе (-тах) не давались.

29. Управление юстиции г. Москвы в неустановленный точно день попросило Прокурора г. Москвы опротестовать решение в порядке надзора, что он и сделал. Протест прокурора был удовлетворен Президиумом Московского городского суда. 29 марта 2001 г. Президиум отменил решение от 8 декабря 2000 г. в порядке надзора. При этом он ссылаясь на следующие основания. В отношении законности решения от 28 января 2000 г., Президиум критиковал районный суд за то, что он не проверял изменения в уставе, поданном на перерегистрацию 29 декабря 1999 г., на предмет их соответствия требованиям закона. В отношении отказа от 29 июня 2000 г., Президиум установил, что книга «Саентология: Теология и практика современной религии» (на русском языке) не предоставляла достаточных сведений об «основах вероучения и практике данного вероисповедания», как того требует п. 5 ст. 11 Закона о религиях, и что комплект документов, соответственно, был неполным. Президиум вернул дело в районный суд на новое рассмотрение.

30. 7 августа 2001 г. Никулинский районный суд г. Москвы вынес новое решение в пользу Управления юстиции г. Москвы и отказал в удовлетворении жалобы на отказ в перерегистрации заявителя. Суд установил, что несоблюдение заявителем требований ст. 11 Закона о религиях выразалось в том, что (i) к заявлению о перерегистрации были приложены только копии, а не подлинники устава и свидетельства о регистрации; (ii) книга, поданная заявителем не отвечала требованиям о содержании «сведений об основах вероучения и практики данного вероисповедания», и (iii) что отсутствовал документ с указанием юридического адреса заявителя.

31. В судебном заседании истцы безуспешно убеждали суд в том, что Управление юстиции г. Москвы уже имело в своем распоряжении подлинник устава и свидетельства о регистрации, а также юридический адрес заявителя, поскольку эти документы уже подавались вместе с первым заявлением на перерегистрацию и Управление юстиции г. Москвы их никогда не возвращало. Районный суд, тем не менее, пришел к выводу о том, что «тот факт, что некоторые документы [физически] были в здании Управления, не освобождал заявителя от обязанности подавать полный комплект документов на регистрацию». Суд также подтвердил, что «все требуемые документы должны подаваться одновременно».

32. 26 октября 2001 г. Московский городской суд оставил решение в силу, одобрив мотивировку районного суда.

33. 16 января 2002 г. заявитель подал седьмое заявление на перерегистрацию. В соответствии с указаниями решений национальных судов к заявлению было приложено (i) подлинники устава и свидетельства о регистрации; (ii) «сведения об основах вероучения и практики» в виде документа на четырех страницах вместо книги; а также (iii) новый документ, подтверждающий юридический адрес.

34. 23 января 2002 г. новый заместитель начальника Управления юстиции отказал в рассмотрении заявление на том основании, что срок для перерегистрации религиозной организации уже истек и что рассматривался иск о ликвидации заявителя (см. ниже).

35. 30 апреля 2002 г. Никулинский районный суд отказал Управлению юстиции в удовлетворении иска о ликвидации заявителя, ссылаясь на определение Конституционного Суда от 7 февраля 2002 г. по делу Московского отделения Армии Спасения, в соответствии с которым религиозная организация может быть ликвидирована в судебном порядке только в том случае, если будет установлено, что она уже прекратила свою деятельность или занималась незаконной деятельностью (подробное описание

решения можно найти в деле «*Московское отделение Армии Спасения против России*», № 72881/01, §§ 23-24, ECHR 2006-...). Поскольку заявитель продолжал вести финансовую и хозяйственную деятельность, издавал балансовые отчеты и организовывал религиозные мероприятия в муниципальных округах г. Москвы, а также не совершал никаких противозаконных действий, в удовлетворении иска о ликвидации было отказано. 18 июля 2002 г. Московский городской суд оставил данное решение в силе.

В. Дальнейшие попытки получить перерегистрацию

36. 1 июля 2002 г. система государственной регистрации юридических лиц была реформирована. Был создан новый Единый государственный реестр юридических лиц, а право вносить в него записи было передано Министерству по налогам и сборам (Министерство по налогам). Однако в отношении религиозных организаций сохранилась специальная процедура, в соответствии с которой региональные отделения Министерства юстиции продолжали принимать решения о регистрации религиозных организаций, а формальное исполнение одобренного заявления перешло к Министерству по налогам. На все существующие юридические лица была наложена обязанность представить местным налоговым органам отдельные обновленные данные до 31 декабря 2002 г.

37. 11 июля 2002 г. заявитель подал свое восьмое заявление на перерегистрацию в Управление юстиции г. Москвы в соответствии с новой процедурой.

38. 9 августа 2002 г. Управление юстиции отказало в рассмотрении заявления, повторяя, что осуществление перерегистрации стало невозможным в силу истечения срока.

39. 24 сентября 2002 г., после того, как Московский городской суд оставил в силе решение об отказе в ликвидации заявителя, заявитель подал девятое заявление на перерегистрацию. В тот же день заявитель также подал в местный регистрирующий налоговый орган – Налоговую инспекцию г. Москвы № 39 – обновленные данные, требуемые в соответствии с новой процедурой.

40. 2 октября 2002 г. начальник Управления юстиции г. Москвы ответил на письмо заявителя от 2 сентября 2002 г. следующим образом:

«...существует ситуация, когда, с одной стороны, [Управлению юстиции г. Москвы] отказано в иске о ликвидации Вашей религиозной организации, а с другой стороны – тот же суд признал законными наши решения об оставлении без рассмотрения заявлений и документов о перерегистрации этой организации, а установленный законом срок для перерегистрации истек».

41. 23 октября 2002 г. Управление юстиции отказало в рассмотрении девятого заявления со ссылкой на вышеуказанное письмо начальника Управления и указало, по-прежнему, что срок [для перерегистрации] истек.

42. 29 октября 2002 г. Налоговая инспекция г. Москвы № 39 внесла заявителя в Единый государственный реестр юридических лиц и выдала свидетельство о регистрации.

43. 24 декабря 2002 г. заявитель подал десятое заявление на перерегистрацию, прилагая свидетельство о перерегистрации.

44. 24 января 2003 г. Управление юстиции оставило десятое заявление без рассмотрения, опять повторив, что срок [для перерегистрации] истек.

Г. Дальнейшее судебные разбирательства с Управлением юстиции

45. 24 апреля 2003 г. заявитель подал жалобу на действия Управления юстиции в отношении последовательных отказов в перерегистрации заявителя в соответствии с Законом о религиях. В частности, в ней утверждалось, что действия Управления юстиции представляли собой нарушение прав на свободу вероисповедания и объединения заявителя и его членов. Заявитель подал копию свидетельства о регистрации от 29 октября 2002 г. и сослался на определение Конституционного Суда от 7 февраля 2002 г.

46. 1 сентября 2003 г. Пресненский районный суд г. Москвы отклонил жалобу. Суд решил, что Закон о религиях не предусматривал возможность перерегистрации религиозных организаций, пропустивших срок для перерегистрации.

47. 22 января 2004 г. Московский городской суд отменил решение от 1 сентября 2003 г. и вернул дело на новое рассмотрение. Суд установил следующее:

«...сам по себе факт непрохождения перерегистрации в установленный срок не может служить основанием ...для отказа в государственной регистрации изменений и дополнений в устав...религиозной организации по истечении установленного срока...

Отказ в регистрации изменений и дополнений в учредительные документы религиозной организации ограничивает права организации и, как следствие, ее членов самостоятельно определять законные условия своего существования и своей деятельности».

48. 3 ноября 2004 г. Пресненский районный суд удовлетворил жалобу заявителя на действия Управления юстиции. Суд установил, что Закон о религиях не может быть истолкован в смысле ограничения возможности религиозной организации вносить изменения и дополнения в свои учредительные документы после истечения срока, установленного для перерегистрации. Таким образом, решение Управления юстиции об оставлении без рассмотрения заявление на регистрацию изменений и дополнений в уставе явилось незаконным. Районный суд обязал Управление юстиции перерегистрировать заявителя путем регистрации его устава с изменениями и дополнениями, внесенными в 2002 г.у.

49. 4 февраля 2005 г. Московский городской суд подтвердил толкование, данное районным судом в отношении Закона о религиях. Однако он установил, что решение об обязанности Управления юстиции зарегистрировать устав с изменениями и дополнениями без проведения проверки его соответствия законодательству было неправильным. Городской суд изменил резолютивную часть решения и обязал Управление юстиции рассмотреть заявление заявителя о перерегистрации в соответствии с установленной процедурой.

50. 31 мая 2005 г. заявитель вновь подал свое заявление на регистрацию в Управление регистрации г. Москвы, т.е. правопреемнику Управления юстиции г. Москвы по вопросам регистрации религиозных организаций после реорганизации органов юстиции.

51. 27 июня 2005 г. Управление регистрации г. Москвы сообщило заявителю, что его заявление не будет рассмотрено, поскольку заявитель не подавал документ, подтверждающий его существование в Москве на протяжении не менее пятнадцати лет.

Д. Сопровождающие события

52. 2 сентября 2003 г. Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций отказало в удовлетворении заявления заявителя на регистрацию его газеты «Религия, право и свобода». В данном решении не приводились какие-либо законные основания для отказа. Полный текст отказа гласит:

«Сообщаем, что после завершения судебного разбирательства между [заявителем] и [Управлением юстиции г. Москвы] (т.е. после вступления решения в юридическую силу), данная организация может вновь подать заявление о регистрации газеты «Религия, право и свобода».

II. Относящиеся к делу национальное право и правоприменительная практика

A. Конституция Российской Федерации

53. Статья 29 гарантирует свободу вероисповедания, включая право исповедовать любую религию индивидуально либо совместно с другими или не исповедовать никакой религии, свободно выбирать, иметь и разделять религиозные и другие вероучения, а также осуществлять их на практике.

54. Статья 30 предусматривает, что все имеют право на свободу объединения.

Б. Закон о религиях

55. 1 октября 1997 г. вступил в силу федеральный Закон о свободе совести и религиозных объединениях (№ 125-ФЗ от 26 сентября 1997 г. – «Закон о религиях»).

56. Учредительные документы религиозных организаций, которые были созданы до [вступления в силу] Закона о религиях, с внесенными изменениями и дополнениями в соответствии с Законом, должны были быть поданы на перерегистрацию. До тех пор, пока не были внесены такие изменения и дополнения, учредительные документы действовали в части, которая не противоречила положениям Закона (п. 3 ст. 27).

57. В письме от 27 декабря 1999 г. (№ 10766-СЮ) Министерство юстиции сообщило своим управлениям, что Закон о религиях не устанавливает особой процедуры для перерегистрации религиозных организаций. Поскольку п. 3 ст. 27 предписывал им привести свои учредительные документы в соответствие с Законом о религиях, применимая процедура была такой же, как и для регистрации изменений и дополнений в учредительные документы, описанных в п. 11 ст. 11. Пункт 11 ст. 11 предусматривал, что процедура для регистрации изменений и дополнений является такой же, как и для регистрации религиозной организации.

58. Список документов, необходимых для регистрации, был изложен в п. 5 ст. 11 и включал следующие документы:

- «заявление на регистрацию;
- список учредителей религиозной организации с указанием их национальности, места жительства и дат рождения;
- устав (учредительные документы) религиозной организации;
- протокол учредительного собрания;
- документ, отображающий нахождение религиозной группы на данной территории в течение, по крайней мере, пятнадцати лет;

- сведения об основах вероучения и практике вероисповедания, включая сведения о происхождении данной религии и этого объединения, формах и методах деятельности, взглядах на семью и брак, на образование, особенных взглядах на здоровье, которых придерживаются последователи данного вероучения, ограничениях на гражданские права и обязанности, налагаемых на членов и служителей культа данной организации;
- сведения об адресе (местонахождении) постоянного руководящего органа религиозной организации, по которому должен поддерживаться контакт с религиозной организацией; а также
- документ об уплате госпошлины».

59. Пункт 1 ст. 12 установил, что религиозной организации может быть отказано в регистрации в случае, если:

- «цели и деятельность религиозной организации противоречат Конституции Российской Федерации и законодательству Российской Федерации - со ссылкой на конкретные статьи законов;
- создаваемая организация не признана в качестве религиозной;
- устав и другие представленные документы не соответствуют требованиям законодательства Российской Федерации или содержащиеся в них сведения не достоверны;
- зарегистрирована другая религиозная организация с тем же наименованием;
- учредитель (учредители) неправомочен».

60. Пункт 4 ст. 27 в своей первоначальной редакции указывал, что перерегистрация религиозных организаций должна была быть завершена к 31 декабря 1999 г.. Впоследствии срок [перерегистрации] был продлен до 31 декабря 2000 г.. По истечении данного срока религиозные организации подлежали ликвидации в судебном порядке по заявлению регистрирующего органа.

В. Прецедентное право Конституционного Суда Российской Федерации

61. Рассматривая соответствие Конституции РФ требования Закона о религиях о том, что все религиозные организации, созданные до его вступления в силу, должны подтверждать свое существование на протяжении не менее пятнадцати лет, Конституционный Суд установил следующее (постановление № 16-П от 23 ноября 1999 г. по «Делу Религиозного общества Свидетелей Иеговы в Ярославле и Христианской церкви прославления»):

«8. ... в соответствии с Законом РСФСР ... «О свободе вероисповеданий»... все религиозные объединения – как региональные, так и централизованные – имели, на равных основаниях, как юридические лица, права, которые были последовательно включены в текст Федерального Закона о свободе совести и религиозных объединениях ...

При таких обстоятельствах законодатель не мог лишить определенную часть учрежденных и обладающих полной правоспособностью религиозных организаций возможности пользоваться уже принадлежавшими им правами на том лишь основании, что они не имеют подтверждения о пятнадцатилетнем сроке существования. Применительно к ранее созданным религиозным организациям это было бы несовместимо с принципом равенства, конкретизированным в статьях 13 (часть 4), 14 (часть 2) и 19 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, и явилось бы недопустимым ограничением свободы вероисповедания (статья 28), а также свободы учреждения и деятельности [добровольных] объединений (статья 30)» .

62. Конституционный Суд последовательно подтвердил эту позицию в своих определениях № 46-О от 13 апреля 2000 г. по «Делу Независимого российского региона Общества Иисуса», и № 7 – О от 7 февраля 2002 г. по «Делу Московского отделения Армии Спасения».

III. Соответствующие документы Совета Европы

63. Резолюция 1278 (2002) по Закону РФ о религиях, принятая Парламентской Ассамблеей Совета Европы 23 апреля 2002 г., отметила, в частности, следующее:

«1. Новый российский закон о религиях, который вступил в силу 1 октября 1997 г., отменил и заменил российский Закон 1990 г. – в целом считающийся очень либеральным – по тому же предмету. Новый закон вызвал некоторую обеспокоенность, как в отношении его содержания, так и его применения. Эта обеспокоенность была учтена в решениях Конституционного Суда Российской Федерации от 23 ноября 1999 г., 13 апреля 2000 г., а также 7 февраля 2002 г., и процесс перерегистрации религиозных общин на федеральном уровне был успешно завершён Министерством юстиции 1 января 2001 г. Однако остаются другие основания для беспокойства...

5. Более того, некоторые региональные и местные управления Министерства юстиции отказали в (пере)регистрации определенных религиозных общин, несмотря на то, что они были зарегистрированы на федеральном уровне. Федеральное Министерство юстиции, по всей видимости, не находится в положении, при котором оно контролирует эти региональные и местные управления в соответствии с требованием верховенства права, и предпочитает заставлять религиозные общины бороться с своими местными управлениями в судах по поводу регистрации вместо того, чтобы принимать меры к исправлению ситуации внутри министерства...

6. Таким образом, Ассамблея рекомендует российским властям, чтобы:

i. закон о религиях применялся более последовательно по всей территории Российской Федерации, покончив с неоправданной дискриминацией на региональном и местном уровнях определенных религиозных общин и создания преимущественных условий для Русской Православной Церкви со стороны местных должностных лиц, а в частности их настояние в некоторых районах на том, чтобы религиозные общины получали предварительное согласие на ведение своей деятельности от Русской Православной Церкви;

ii. федеральное Министерство юстиции стало более активным и деятельным в разрешении споров между своими местными (региональными) должностными лицами и религиозными организациями до того момента, как споры выносятся на рассмотрение судов, предпринимая действия по исправлению ситуации внутри министерства в случае коррупции и (или) неправильного применения закона о религиях, таким образом, устраняя необходимость обращения в суд...».

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. Предполагаемые нарушения статей 9, 10 и 11 Конвенции

64. Заявитель жалуется, ссылаясь на ст.ст. 9, 10 и 11 Конвенции, на то, что он был произвольно лишен статуса юридического лица в результате отказа в его перерегистрации

в качестве религиозной организации. Суд напоминает, что в недавнем деле он рассматривал подобную по существу жалобу об отказе в перерегистрации религиозной организации с точки зрения ст. 11 Конвенции с учетом положений ст. 9 (см. «Московское отделение Армии Спасения против России», № 72881/01, §§ 74 и 75, ECHR 2006-...). Суд обращает внимание на то, что религиозная природа заявителя не оспаривалась на национальном уровне и что заявитель официально признавался в качестве религиозной организации с 1994 г.. В свете этого Суд приходит к выводу о том, что жалобы заявителя подлежат рассмотрению с точки зрения ст. 11 Конвенции с учетом положений ст. 9.

Статья 9 гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в богослужении, обучении, отправлении религиозных и культовых обрядов.

2. Свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц».

Статья 11 гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право на создание и вступление в профсоюзы для защиты своих интересов.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности или общественной безопасности, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц...»

А. Доводы сторон

1. Позиция государства-ответчика

65. Государство-ответчик считает, что вмешательство в права заявителя на свободу объединения не имело места, поскольку заявитель не был ликвидирован и продолжает обладать полной правоспособностью юридического лица. 10 августа 2002 г. заявителя внесли в Единый государственный реестр юридических лиц и он продолжает свою религиозную деятельность. Отказав в иске Управления юстиции г. Москвы о ликвидации, Никулинский районный суд обосновал свое решение от 30 апреля 2002 г. доказательствами осуществления заявителем текущей финансовой и хозяйственной деятельности, такими как балансом заявителя и разрешениями на проведение мероприятий в муниципальных районах г. Москвы. С точки зрения государства-ответчика, заявитель не может считаться «жертвой» нарушений лишь на основании того, что он не желал привести свои учредительные документы в соответствии с действующим законодательством.

66. Государство-ответчик также утверждает, что не имело места ни нарушений, ни ограничений права заявителей на свободу религии. Санкция, наложенная на заявителей

«не была суровой и мотивировалась не религиозными соображениями, а несоблюдением Закона о религиях и нарушением административной процедуры». Отказ в перерегистрации заявителя не повлек за собой запрета на его деятельность. Члены заявителя продолжали исповедовать свою веру, отправляли религиозные обряды и церемонии и наставляли своих последователей.

67. Государство-ответчик указал на то, что судебное решение районного суда от 7 августа 2001 г. об отказе в перерегистрации имело законные основания. По закону требовалось представление подлинников устава и свидетельства о регистрации, информации об основных догматах религии, а также документа с указанием юридического адреса организации. Однако заявитель не представил упомянутые документы, и поэтому решение об отказе в принятии на рассмотрение заявления на перерегистрацию было законным. Государство-ответчик утверждает, что заявитель не лишен возможности подать новое заявление на перерегистрацию.

2. Позиция заявителя

68. Заявитель оспаривал утверждения государства-ответчика о том, что заявитель «обладает полной правоспособностью юридического лица» и что он «осуществляет финансовую, хозяйственную и иную деятельность в полной мере» как несоответствующие действительности. В результате препятствий, чинимых Управлением юстиции г. Москвы и оставленных в силе решением Пресненского районного суда от 1 сентября 2003 г. заявитель оказался «замороженным во времени» и был лишен возможности внести изменения в свои учредительные документы (и, соответственно, в свои цели, структуру и внутреннюю организацию) в соответствии с законом и своими изменившимися потребностями. Например, заявителю было воспрещено внести в свой устав право на учреждение мест поклонения и новый порядок избрания и смещения своего президента. Кроме того, Министерство по делам печати отказало ему в регистрации газеты лишь на основании продолжающейся неопределенности в отношении прав заявителя, вызванной отказом в перерегистрации. В данном контексте, внесение заявителя в Единый государственный реестр юридических лиц было осуществлено в связи с внутриведомственными административными реформами и не представляло собой перерегистрацию в смысле Закона о религиях.

69. Заявитель далее возражал, что утверждения государства-ответчика о «нежелании» [заявителя] внести изменения в свои учредительные документы в лучшем случае являются неискренними. Подав десять заявлений на перерегистрацию в Управление юстиции г. Москвы, заявители ни разу не отказались выполнить требования Управления, вне зависимости от того, были ли они «предусмотрены законом» или нет. Истечение срока [для перерегистрации] без оформления перерегистрации было прямо связано с упорным отказом Управления юстиции г. Москвы давать какие-либо конкретные разъяснения о причинах своих отказов в удовлетворении заявлений [на перерегистрацию]. Кроме того, отказ [Управления юстиции] подчиняться исполнительному листу суда представлял собой особо серьезное злоупотребление, поскольку Министерство юстиции само отвечает за службу судебных приставов и исполнительное производство. Никакие «убедительные и неопровержимые» основания государством-ответчиком не приводились в обоснование его длящегося бездействия по перерегистрации заявителя, а основания, приведенные в судебном решении от 7 августа 2001 г. не были «предусмотрены законом», поскольку закон не требует одновременной подачи документов или специальной формы изложения и подачи сведений об «основах вероучения».

70. Наконец, что касается утверждения государства-ответчика о том, что заявитель не лишен возможности подать новое заявление на перерегистрацию, заявители считают, что это вводит в заблуждение и противоречит фактам по делу. Предполагаемая «возможность подавать [заявление]» лишена смысла в условиях, когда Управление юстиции г. Москвы отвечает – не менее пяти раз за 19 месяцев, предшествующих подаче государством-ответчиком своих объяснений – что заявитель больше не может перерегистрироваться в связи с истечением срока для перерегистрации. Заявители утверждают, что даже самое беспристрастное рассмотрение обстоятельств по делу выявляет целеустремленную решимость государства-ответчика отказывать в перерегистрации конкретным религиозным организациям, в том числе и заявителю, несмотря на отсутствие каких-либо «объективных и разумных оснований» для такого решения.

Б. Оценка Суда

1. Общие принципы

71. Суд обращает внимание на свою сложившуюся прецедентную практику, согласно которой охраняемая статьей 9 Конвенции свобода мысли, совести и религии является одной из основ «демократического общества» в смысле Конвенции. В своем религиозном измерении эта свобода является одним из тех жизненно важных элементов, которые определяют личность верующих и их мировоззрения, но она также является ценным достоянием атеистов, агностиков, скептиков и безразличных. От нее зависит тот плюрализм, присущий демократическому обществу, который был завоеван дорогой ценой на протяжении столетий (см. дело *«Бессарабской митрополии и др. против Молдовы»*, № 45701/99, § 114, ECHR 2001-XII).

72. Хотя религиозная свобода является в первую очередь вопросом личной совести, она также подразумевает, среди прочего, свободу «выражать [свои] религиозные чувства» лично или сообща с другими, публично либо в кругу соверующих. Поскольку религиозные общины традиционно существуют в форме организованных структур, ст. 9 следует толковать в свете ст. 11 Конвенции, которая защищает жизнь объединений от неоправданного вмешательства со стороны государства. С этой точки зрения право верующих на свободу религии, которое подразумевает право на проявление религиозных убеждений совместно с другими, включает в себя и ожидание того, что верующие смогут свободно объединяться без произвольного вмешательства со стороны государства. На самом деле, автономное существование религиозных общин является неотъемлемой частью плюрализма в демократическом обществе, а посему этот вопрос составляет сердцевину той защиты, которая предусмотрена ст. 9. Выявленная прецедентной практикой Суда обязанность государств по соблюдению нейтралитета и беспристрастности [по отношению к различным вероисповеданиям и их объединениям] несовместима с осуществлением государствами каких-либо полномочий по оценке легитимности религиозных убеждений (см. цитированное выше дело *«Бессарабской митрополии и др. против Молдовы»*, §§ 118 и 123, а также дело *«Хасан и Чауш против Болгарии»* [Большая Палата], № 30985/96, § 62, ECHR 2000-XI).

73. Суд также напоминает о том, что право создания объединений является составной частью права, закрепленного в ст. 11. То, что граждане должны иметь возможность учреждать юридические лица, позволяющие им действовать совместно в области их общих интересов, является одним из наиболее важных аспектов права на свободу объединения, без которого это право было бы лишено всякого смысла. То, каким образом эта свобода закрепляется в национальном законодательстве, а также ее практическое применение властями показывает состояние демократии в соответствующей стране. Вне

всякого сомнения, у государств есть право удостовериться, что цели и деятельность объединений соответствуют требованиям, изложенным в законодательстве, однако осуществление [государствами] подобных полномочий должно быть совместимым с их собственными обязательствами в рамках Конвенции, которые подлежат контролю со стороны конвенционных органов (см. дело «*Сидиропулос и др. против Греции*», постановление от 10 июля 1998 г., Reports of Judgments and Decisions 1998-IV, § 40).

74. Как уже неоднократно отмечалось в решениях Суда, политическая демократия является основополагающим признаком европейского публичного порядка, а замысел Конвенции состоял в том, чтобы способствовать распространению и сохранению идеалов и ценностей демократического общества. Суд также подчеркивал, что демократия – единственная политическая модель, которая предполагается в Конвенции и является совместимой с ней. В силу формулировки второго пункта ст. 11, а также ст.ст 8, 9 и 10 Конвенции, единственная необходимость, которая способна оправдать вмешательство в какие-либо из прав, закрепленных в этих статьях, – это необходимость, которая возникает в «демократическом обществе» (см. дело «*Объединенная коммунистическая партия Турции и др. против Турции*», постановление от 30 января 1998 г., Reports of Judgments and Decisions 1998-I, §§ 43-45, а также дело «*Рефа Партиси (Партия благоденствия) и др. против Турции*» [Большая Палата], №№ 41340/98, 41342/98, 41343/98 и 41344/98, §§ 86-89, ECHR 2003-II).

75. Право государства защищать свои институты и граждан от объединений, которые могли бы представлять для них угрозу, должно использоваться осмотрительно, поскольку исключения из общего правила свободы объединения не подлежат расширительному толкованию. Только убедительные и весомые причины могут стать оправданием для ограничения этой свободы. Любое вмешательство должно быть обусловлено «насушной социальной необходимостью»; само же понятие «необходимость» лишено гибкости таких выражений, как «полезный» или «желательный» (см. дело «*Горжелик и др. против Польши*» [GC], no. 44158/98, §§ 94-95, 17 февраля 2004 г., с дополнительными ссылками).

2. Статус заявителя как «жертвы» предполагаемых нарушений

76. Согласно утверждениям государства-ответчика, поскольку заявитель не был ликвидирован и сохраняет статус юридического лица, нарушения его прав по Конвенции не имели места, а поэтому заявитель не имеет права заявлять о себе как о «жертве» каких-либо нарушений.

77. Довод государства-ответчика не является убедительным. Суд напоминает, что он ранее рассматривал аналогичную жалобу религиозного объединения, которому российскими властями было отказано в перерегистрации в соответствии с новым Законом о религиях. Суд тогда установил, что даже в отсутствие вреда или ущерба религиозное объединение имеет право считать себя «жертвой», поскольку отказ в перерегистрации прямо затрагивает его юридический статус (см. цитированное выше дело «*Московское отделение Армии спасения*», §§ 64-65). Суд также установил, что включение религиозного объединения в Единый государственный реестр юридических лиц не избавляет его от статуса «жертвы» до тех пор, пока национальные власти не признали нарушения его прав по Конвенции, вытекающего из отказа в перерегистрации (там же, § 66). При этом Суд учел утверждения Управления юстиции г. Москвы в национальном суде о том, что внесение сведений в Единый государственный реестр не представляет собой «перерегистрацию» в смысле Закона о религиях (там же, § 67).

78. Обращаясь к настоящему делу, Суд отмечает, что ситуация заявителя аналогична той, в которой находился заявитель по делу «Московского отделения Армии спасения». Заявителю было отказано в перерегистрации, предусмотренной Законом о религиях, а внесение сведений о заявителе в Единый государственный реестр юридических лиц было связано исключительно с созданием данного реестра и с передачей полномочий по регистрации от одного государственного органа к другому после принятия новой процедуры регистрации юридических лиц (там же, § 67). Национальные власти ни разу не признали факта нарушения прав заявителя по Конвенции и не предпринимали каких-либо мер к восстановлению этих прав. Судебные решения, которые подтверждали законность решения об отказе в перерегистрации, не было отменены и остаются в силе по сей день. Решение Никулинского районного суда от 30 апреля 2002 г., на которое ссылается государство-ответчик, касалось лишь иска о ликвидации заявителя, и не имело никаких последствий для его требования о перерегистрации.

79. Аналогичным образом, Суд находит неубедительными доводы государства-ответчика о том, что заявитель не может считаться «жертвой», поскольку он до сих пор не предпринял необходимых мер для подачи надлежащего заявления на перерегистрацию. На протяжении шести лет (с 1999 по 2005 г.) заявитель подал не менее одиннадцати заявлений на перерегистрацию с целью исправления недостатков в поданных документах, как тех, на которые было указано властями, так и тех, которые предположительно находились в тех случаях, когда Управление юстиции никак не указывало на их характер (см. например, параграфы 11, 15 и 17 выше). Государство-ответчик не уточнило, на основании каких норм закона заявитель все еще может подать новое заявление на перерегистрацию несмотря на то, что такое заявление будет очевидно запоздалым после истечения продленного до 31 декабря 2000 г. срока для подачи заявления. На самом деле, Управление юстиции сослалось на истечение этого срока как основание для отказа в рассмотрении с седьмого по десятое заявление на перерегистрацию, поданные заявителем (см. параграфы 34, 38, 41 и 44 выше). Из вышеизложенного следует, что в настоящее время заявителю отказано в перерегистрации.

80. С учетом изложенных выше соображений Суд приходит к выводу о том, что заявитель вправе «утверждать» что он является «жертвой» нарушений, в отношении которых была подана жалоба. Для того, чтобы оценить обоснованность утверждений заявителя о том, что он является жертвой [нарушения прав], требуется рассмотрение его доводов по существу.

3. Наличие вмешательства в права заявителя

81. В свете вышеизложенных общих принципов, возможность учреждать юридическое лицо в целях совместной деятельности в области общих интересов является одним из наиболее важных аспектов свободы объединений, без которого это право было бы лишено всякого смысла. Суд уже ранее выразил свое мнение о том, что отказ национальных властей предоставить статус юридического лица объединению физических лиц может представлять собой вмешательство в осуществление заявителем своего права на свободу объединения (см. цитированное выше дело «Горжелик», § 52 и в других местах, а также цитированное выше дело «Сидиропулоса», § 31 и в других местах). Когда речь идет об организациях религиозной общины, отказ в их признании также представляет собой вмешательство в право заявителя на свободу религии в соответствии со статьей 9 Конвенции (см. цитированное выше дело «Бессарабской митрополии и др. против Молдовы», § 105). Право верующих на свободу вероисповедания предполагает ожидание того, что общине будет позволено осуществлять свою деятельность мирно и свободно от

произвольного вмешательства со стороны государства (см. дело *«Хасан и Чауш против Болгарии»* [Большая Палата], № 30985/96, § 62, ECHR 2000-XI).

82. Суд обращает внимание на то, что в 1997 г. государство-ответчик приняло новый Закон о религиях, в соответствии с которым все религиозные организации, которым ранее был предоставлен статус юридического лица, должны были внести изменения в свои учредительные документы в соответствии с новым Законом, а также пройти «перерегистрацию» в течение определенного срока. Неполучение «перерегистрации» до истечения указанного срока, вне зависимости от причины этого, ставило религиозные организации под угрозу ликвидации в судебном порядке (см. параграф 56 выше).

83. Суд отмечает, что до принятия нового Закона о религиях заявитель действовал на законных основаниях в России с 1994 г. Он не сумел получить «перерегистрацию», предусмотренную Законом о религиях, и вследствие этого по закону подлежал ликвидации. И хотя последующее постановление Конституционного Суда устранило непосредственную угрозу ликвидации заявителя, очевидно, что его правоспособность отличается от правоспособности тех религиозных организаций, которые получили свидетельства о перерегистрации (см. цитированное выше дело *«Московское отделение Армии спасения»*, § 73). Суд обращает внимание на то, что российские власти ссылались на отсутствие перерегистрации как на основание для отказа в регистрации поправок к уставу и приостановления регистрации религиозной газеты (см. параграфы 46 по 52 выше).

84. Суд в аналогичном деле уже установил то, что подобная ситуация свидетельствует о вмешательстве в право религиозной организации на свободу объединения, а также в его право на свободу религии постольку, поскольку Закон о религиях ограничивает возможности религиозной организации без статуса юридического лица осуществлять все виды религиозной деятельности (см. цитированное выше дело *«Московское отделение Армии спасения»*, § 74). Эти принципы также применимы к настоящему делу.

85. Поэтому Суд считает, что вмешательство в права заявителя по статье 11 Конвенции имеет место, если читать ее в свете статьи 9 Конвенции. Таким образом, Суд обязан определить, отвечает ли это вмешательство требованиям пункта 2 этих положений, а именно является ли оно «предусмотренным законом», преследовало ли оно одну или более законных целей и было ли оно «необходимо в демократическом обществе» (см., среди прочего, цитированное выше дело *«Бессарабской митрополии и др. против Молдовы»*, § 106).

4. Обоснование вмешательства

(а) Общие принципы, применимые к анализу обоснования

86. Суд напоминает, что перечень оснований для ограничения права на свободу религии и собраний, содержащийся в ст.ст. 9 и 11 Конвенции, является исчерпывающим. Исключения из общего правила свободы объединения не подлежат расширительному толкованию, и только убедительные и весомые причины могут служить основанием для ограничения этой свободы. Право усмотрения государств при определении наличия «необходимости» в смысле пункта 2 этих статей Конвенции является ограниченным и находится в неразрывной взаимосвязи со строгим европейским надзором за [национальными] законами и примененными их решениями, в т.ч. и решениями независимых судов (см. цитированные выше дела *«Горжелик»*, § 47, *«Сидиропулос»* §

40, а также дело «*Станков и Объединенная организация «Илинден» против Болгарии*», №№ 29221/95 и 29225/95, § 84, ECHR 2001-IX).

87. При осуществлении этого надзора задача Суда состоит не в том, чтобы заменять своими собственными взглядами взгляды соответствующих национальных властей, а в том, чтобы проверять решения, принятые [властями] в рамках осуществления последними своего права усмотрения. Это не означает, что [Суд] должен ограничиваться оценкой того, действовал ли государство-ответчик разумно, внимательно и добросовестно или нет при осуществлении им своего права усмотрения; он должен рассматривать обжалуемое вмешательство в свете всего дела в целом и определить: «соразмерно» ли [вмешательство] «преследуемой легитимной цели», являются ли основания, на которые ссылаются национальные власти, «достаточными и относящимися к делу». При таком анализе Суд должен удостовериться в том, что национальные власти применили стандарты, соответствующие предусмотренным Конвенцией принципам, а более того, удостовериться в том, что принятые им решения основаны на приемлемой оценке фактов, имеющих значение для дела (см. цитированное выше дело «*Объединенная коммунистическая партия Турции и др. против Турции*», § 47, а также дело «*Партидул Комунистилор (Непечеристи) и Унгуреану против Румынии*, № 46626/99, § 49, ECHR 2005-I (извлечение)).

(б) Доводы в обоснование вмешательства

88. Суд обращает внимание на то, что приведенные основания для отказов в перерегистрации заявителя не отличались последовательностью на протяжении всего периода, в течение которого заявитель пытался пройти перерегистрацию. Первое заявление было отклонено со ссылкой на ведущееся уголовное расследование в отношении председателя церкви, а второе – на основании текстовых различий между уставом и Законом о религиях (см. пункты 9 и 11 выше). Заявления с третьего по шестое не были приняты к рассмотрению по причине непредставления полного пакета документов, каковое обоснование было подтверждено районным и городским судами (см. пункты 15, 17, 19, и 28 выше). Обоснованием отказа в рассмотрении с седьмого по десятое заявление послужило истечение срока перерегистрации. После того, как суд вынес определение об отсутствии законных оснований для отказа от рассмотрения измененного устава, Управление юстиции отказало в удовлетворении одиннадцатого заявления на новых основаниях, а именно непредставлении документов, свидетельствующих о присутствии заявителя в Москве на протяжении не менее пятнадцати лет (см. пункт 51 выше).

89. Выдвигаемое государством-ответчиком основание для вмешательства основывалось на решении районного суда (оставленном в силе городским судом) о том, что заявитель не представил некоторых документов и достаточной информации об основах его вероучения.

90. Поскольку национальные суды не ссылались на ведущееся уголовное расследование и текстовые различия между текстом Закона о религиях и уставом заявителя как действительные основания для отказа в перерегистрации, Суд начнет свой анализ с аргументов в отношении предполагаемого представления неполного комплекта документов.

91. Суд отмечает, что Управление юстиции г. Москвы отказалось принять к рассмотрению по крайней мере четыре заявления на перерегистрацию, ссылаясь на то, что заявитель не представил полный комплект документов (см. пункты 15, 17, 19 и 28 выше). Однако оно не указало, почему оно считало эти пакеты неполными. В своем ответе на письменный запрос председателя заявителя, Управление юстиции г. Москвы прямо отказалось указать,

каких именно сведений или документов не хватало в комплекте, ссылаясь на отсутствие своей компетентности в этом вопросе (см. пункт 15 выше). Суд обращает внимание на противоречие в подходе Управления юстиции г. Москвы, которое, с одной стороны, признало свою компетенцию по признанию заявления неполным, но с другой стороны, отрицало свою компетенцию по указанию предполагаемых отсутствующих элементов. Такой подход не только лишил заявителя возможности исправить предполагаемые недостатки заявления и вновь представить его, но и противоречил прямому требованию национального законодательства о том, что любой отказ должен быть обоснованным. Не указав четких причин для отказа в принятии заявления на перерегистрацию, Управления юстиции г. Москвы действовало произвольно. Соответственно, Суд считает, что данное основание для отказа «не соответствовало закону».

92. При повторном рассмотрении жалобы заявителя районный суд выдвинул более конкретные основания для отказа, первое из которых – непредставление подлинника устава, свидетельства о регистрации и документа, подтверждающего юридический адрес [заявителя] (см. пункт 30 выше). В отношении этого основания Суд отмечает, что Закон о религиях содержит исчерпывающий перечень документов, которые должны быть приложены к заявлению на перерегистрацию. Этим перечнем не предусмотрена какая-либо конкретная форма представления этих документов, будь ли это в виде подлинников или копий (см. пункт 58 выше). Согласно сложившейся прецедентной практике Суда, выражение «предусмотренный законом» требует, чтобы обжалуемая мера была основана на национальном законе, а также, чтобы этот закон был сформулирован с достаточной точностью, которая позволила бы гражданам предвидеть последствия определенного образа действий и, соответственно, регулировать свое поведение (см. как классический пример дело «Санди Таймс» против Соединенного Королевства (№ 1)», постановление от 26 апреля 1979 г., Серия А № 30, § 49). Требование о представлении документов в подлиннике не вытекает из текста Закона о религиях, а в ходе разбирательств в национальных судах не прозвучало ссылки на какие-либо иные нормативные документы, которые фиксировали бы это требование. Не были они упомянуты ни в качестве оснований для отказа со стороны Управления юстиции г. Москвы, ни в решении Президиума о передаче дела на новое рассмотрение, а в первый раз появились в решении районного суда. В этих обстоятельствах Суд приходит к выводу о том, что национальное законодательство не было сформулировано с достаточной ясностью, которая позволила бы заявителю предвидеть неблагоприятные последствия, связанные с представлением копий вместо подлинников. Более того, Суд считает, что требование о приложении к каждому заявлению подлинников было бы чрезмерно обременительным, а может быть и неисполнимым в данном случае. На Управление юстиции закон не налагал ответственность по возвращению документов, приложенных к заявлению, в рассмотрении которого было отказано; кроме того, по всей видимости, оно, как правило, хранило их вместе с регистрационным делом. Поскольку имеется лишь ограниченное количество подлинных документов, требование о представлении подлинников вместе с каждым заявлением могло бы привести к невозможности повторного представления исправленных заявлений на перерегистрацию по причине исчерпания подлинников. Такой подход сделал бы право заявителя на подачу заявления на перерегистрацию чисто теоретическим, а не практическим и действенным, как того требует Конвенция (см. дело «Артико против Италии», постановление от 13 мая 1980 г., Серия А № 37, § 33). Как отметил заявитель, и что не было оспорено государством-ответчиком, Управление юстиции г. Москвы имело в своем распоряжении подлинник устава и свидетельства о регистрации, а также документ, подтверждающий его адрес; данные документы были приложены к первому заявлению на перерегистрацию в 1999 г. и не возвращены заявителю. При таких обстоятельствах вывод районного суда о том, что заявитель несет ответственность за непредставление этих документов, лишен как фактических, так и юридических оснований.

93. Никулинский районный суд также определил, что заявитель не представил сведений об основах своего вероучения и соответствующей ему практике. Суд ранее устанавливал, что отказ от регистрации ввиду непредставления информации о фундаментальных принципах религии может быть обоснованным исходя из конкретных обстоятельств, если это необходимо для определения того, представляет ли соответствующая конфессия угрозу для демократического общества или нет (см. дело «*Кэрмуирея Спиритуалэ а Мусулманилор дин Република Молдова против Молдавии*» (dec.), № 12282/02, 14 июня 2005 г.). В настоящем случае ситуация иная. Факт представления заявителем книги с описанием теологических догматов и практики саентологии никем не оспаривался. Районный суд не разъяснил, почему эта книга не была сочтена содержащей достаточные сведения об основах вероучения и соответствующей ему практике, что требует Закон о религиях. Суд напоминает, что если информация, содержащаяся в книге, не была сочтена полной, то в задачу национальных судов входило разъяснение применяемых требований закона, так чтобы дать заявителю четкие указания на то, как подготовить документы (см. цитированное выше дело «*Московский филиал Армии спасения*», § 90, а также дело «*Цонев против Болгарии*», № 45963/99, § 55, от 13 апреля 2006 г.). Однако этого не было сделано. Соответственно, Суд считает данное основание для отказа в перерегистрации не доказанным.

94. Суд не считает необходимым рассматривать обоснованность отказов на основании истечения срока для перерегистрации, поскольку в последующих судебных разбирательствах местные суды признали, что решение Управления юстиции г. Москвы об оставлении без рассмотрения заявления о регистрации исправленного варианта устава на этом основании было незаконным (см. пункты 47 и 48 выше). Во всяком случае, как Суд установил выше, неспособность заявителя обеспечить перерегистрацию в установленные сроки было прямым последствием произвольного отказа в удовлетворении его предыдущих заявлений Управлением юстиции г. Москвы.

95. Наконец, что касается отказа в последнем, одиннадцатом заявлении на том основании, что не был представлен документ, подтверждающий присутствие в Москве на протяжении пятнадцати лет (см. пункт 51 выше), Суд отмечает, что это требование не имело законных оснований. Еще в 2002 г. Конституционный суд вынес определение о том, что подобного документа нельзя требовать от организаций, которые существовали до вступления в силу Закона о религиях в 1997 г. (см. пункт 61 выше). Заявитель был зарегистрирован в качестве религиозной организации с 1994 г. и подпадает под эту категорию.

96. Из этого следует, что причины, приведенные национальными властями в обоснование отказа в перерегистрации заявителя, не были основаны на законе. Еще одним соображением, которое имеет отношение к оценке Судом соразмерности вмешательства, является то, что на момент введения требования о перерегистрации, заявитель законно существовал и действовал в Москве в качестве независимой религиозной общины в течение трех лет. При этом никто не утверждал, что община в целом или ее отдельные члены нарушали какие-либо национальные законы или нормативные акты, регулирующие их общественную и религиозную деятельность. При таких обстоятельствах Суд считает, что причины для отказа в перерегистрации должны были быть особенно весомыми и убедительными (см. цитированное выше дело «*Московское отделение Армии спасения*», § 96, а также прецедентную практику, указанную в параграфе 86 выше). В рассматриваемом деле подобные причины не были указаны национальными властями.

97. С учетом вывода Суда о том, что приведенные Управлением юстиции г. Москвы и подтвержденными московскими судами основания для отказа в перерегистрации отделения заявителя не имели законных оснований, можно сделать вывод и о том, что,

своим отказом в регистрации Церкви Саентологии в Москве московские власти действовали недобросовестно и пренебрегли своей обязанностью по соблюдению нейтралитета и беспристрастности по отношению к религиозной общине заявителя (см. цитированное выше дело *«Московское отделение Армии спасения»*, § 97).

98. С учетом вышеизложенного, Суд считает, что вмешательство в право заявителя на свободу религии и объединения не было необоснованным. Следовательно, имело место нарушение ст. 11 Конвенции с учетом требований ст. 9.

II. Предполагаемой нарушение статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьями 9, 10 и 11

99. Заявитель далее жаловался на нарушение ст. 14 Конвенции во взаимосвязи со ст.ст. 9, 10 и 11, выражающееся в том, что он подвергся дискриминации в связи со своим положением как религиозное меньшинство в России. Ст. 14 гласит:

«Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам».

100. Суд напоминает, что ст. 14 не имеет самостоятельного существования, но играет важную роль, дополняя прочие положения Конвенции и Протоколов, поскольку она защищает лиц, оказавшихся в аналогичной ситуации, от какой-либо дискриминации в осуществлении прав, предусмотренных в тех других [статьях Конвенции]. В тех случаях, когда заявитель ссылается на материально-правовые нормы Конвенции или Протоколов к ней как отдельно, так и во взаимосвязи со ст. 14, а при этом Судом устанавливается нарушение этой материально-правовой нормы, у Суда в принципе нет необходимости дополнительно рассматривать дело с точки зрения ст. 14 – хотя подход Суда отличается в тех случаях, когда фундаментальным аспектом дела является явное отсутствие равенства в осуществлении рассматриваемого права (см. дело *«Шассанью и др. против Франции»* [Большая Палата], №№ 25088/94, 28331/95 и 28443/95, § 89, ECHR 1999-III, а также дело *«Даджон против Соединенного Королевства»*, постановление от 22 октября 1981 г., Серия А № 45, § 67).

101. В обстоятельствах настоящего дела Суд считает, что нарушение принципа равноправия, жертвой которого считает себя заявитель, было в достаточной мере учтено в приведенной выше оценке о нарушении материально-правовых норм Конвенции (см., в частности, пункт 97 выше). Из этого следует, что нет оснований для отдельного рассмотрения тех же фактов с точки зрения статьи 14 Конвенции (см. дело *«Бессарабской митрополии и др. против Молдовы»*, § 134, а также дело *«Сидиропуолос»*, § 52, оба из которых были процитированы выше).

III. О применении статьи 41 Конвенции

102. Ст. 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Вред

103. Заявитель требовал компенсацию в общей суммы 20 000 евро (EUR) в отношении материального и нематериального вреда, понесенного посредством продолжающейся неясности в том, что касается юридического статуса заявителя, серьезного нарушения его управления и деятельности, отвлечения ресурсов на административные вопросы, касающиеся перерегистрации и судебного разбирательства. Заявитель также просил Суд постановить, что государство-ответчик должно осуществить перерегистрацию заявителя в качестве религиозной организации и выдать свидетельство о регистрации.

104. Государство-ответчик возражало, что требование о компенсации было чрезмерным и неразумным. По его мнению, законное судебное разбирательство не могло вызвать какого-либо ущерба.

105. Суд считает, что установленное им нарушение должно было причинить нематериальный вред заявителю. Суд присуждает, на справедливом основании, 10 000 EUR, а также сумму любых налогов, которые могут подлежать уплате в отношении этой суммы. Он отклоняет остальную часть требования заявителя в отношении компенсации нематериального ущерба.

106. Что касается требование заявителя об обязанности [государства-ответчика] перерегистрировать заявителя, Суд не обладает полномочиями в соответствии с Конвенцией сделать исключения или декларации такого рода, о котором просит заявитель, поскольку его решения по сути носят декларативный характер. В основном, выбор средства исполнения правового обязательства государства, предусмотренного ст. 46 Конвенции, остается на усмотрение соответствующего государства (см. дело «*Шофман против России*», № 74826/01, § 53, 24 ноября 2005 г., с дальнейшими ссылками). Установив нарушение ст. 11 с учетом положений ст. 9 в данном деле, Суд определил обязанность государства-ответчика по принятию соответствующих мер для исправления конкретной ситуации заявителя (см. дело «*Фадеева против России*», № 55723/00, § 142, ECHR 2005 ...). Решение о принятии конкретных мер, как то: предоставление перерегистрации заявителю, исключение требования о получении перерегистрации из Закона о религиях, возбуждение дела по пересмотру судебного разбирательства либо сочетание этих и других мер, остается за государством-ответчиком. Однако Суд подчеркивает, что любые принятые меры должны соответствовать выводам, изложенным в постановлении Суда (см. дело «*Ассанидзе против Грузии*» [Большая Палата], № 71503/01, § 202, ECHR 2004-II, с дальнейшими ссылками).

Б. Судебные издержки и расходы

107. Ссылаясь на письменные доказательства, заявитель требовал компенсации в сумме 142,92 EUR в отношении судебных расходов и 11653,93 EUR в отношении суммы, подлежащих уплате по соглашению об оказании юридической помощи в связи с судебными разбирательствами в национальных судах и производством по делу в Страсбурге.

108. Государство-ответчик выразило мнение, что только реальные и необходимые расходы должны быть возмещены.

109. Суд признает, что заявитель понес издержки и расходы в связи с неоднократными попытками получить перерегистрацию и в связи с производством по делам в национальных судах и в страсбургском суде. Расходы заявителя подтверждаются

соответствующими материалами. Суд считает, однако, что сумма, требуемая в отношении невыплаченных гонораров адвокатам, является чрезмерной и что должно быть применено некоторое уменьшение. Учитывая имеющиеся в распоряжении Суда материалы, Суд присуждает заявителю 15000 евро в отношении издержек и расходов, а также любые налоги, которые могут быть начислены на данную сумму.

В. Проценты за просрочку платежей

110. Суд считает уместным определить, что в случае просрочки уплаты компенсации должны начисляться проценты исходя из маржинальной кредитной ставке Европейского Центрального Банка, к которой должны быть добавлены три процента.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ, СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. Постановляет, что заявитель может считаться «жертвой» в смысле ст. 34 Конвенции;
2. Постановляет, что имело место нарушение ст. 11 Конвенции с учетом положений ст. 9;
3. Постановляет, что не требуется отдельного рассмотрения тех же самых вопросов с точки зрения ст. 14 Конвенции;
4. Постановляет,
 - а) что государство-ответчик обязано выплатить заявителю в трехмесячный срок со дня вступления в законную силу настоящего постановления в соответствии с пунктом 2 ст. 44 Конвенции, следующие суммы, которые должны быть конвертированы в российские рубли по курсу, применимому на дату расчетов,
 - (i) EUR 10000 (десять тысяч евро) в отношении нематериального вреда;
 - (ii) EUR 15000 (пятнадцать тысяч евро) в отношении издержек и расходов;
 - (iii) любые суммы налогов, которые могут быть начислены на вышеприведенные суммы;
 - б) что со дня истечения вышеуказанных трех месяцев и до полного расчета на указанные суммы должны выплачиваться простые проценты по ставке, установленной в размере маржинальной ставки Европейского Центрального Банка за соответствующий период, плюс три процента.
5. Отклоняет оставшуюся часть требования заявителя о справедливой компенсации.